

чества, познания, одиночества. В начале романа мы знакомимся с героем, который одиноко блуждает по городу, его душа ждет чьего-то присутствия. Он запутался в жизни и не может определить свой путь. Ему встречается человек, который, по мнению Васеньки и невдумчивого читателя, может стать проводником, Учителем, – Аполлон Безобразов. Однако карта, которую Васенька бессознательно выбирает для себя, а Поплавский вполне осознанно связывает с героем, дает нам ответ на вопрос, кто в романе может вернуть героя к свету. Не Аполлон, связанный с дьяволическим началом, способен стать истинным учителем Васеньки, а именно Тихон Богомилов, призывавший к миру и человеколюбию.

Можно сделать вывод о том, что проза Бориса Поплавского ориентирована на интеллектуального читателя, способного не только увидеть то, что лежит на поверхности, но и попытаться вникнуть в суть вещей, разгадать закодированные писателем символы. Так, целостное восприятие образов героев в романе «Аполлон Безобразов» возникает непосредственно в связи с картами Таро. Соотнося своих героев с определенными символами, Поплавский позволяет воспринять образ целостно, проследить его эволюцию, выявить связь с основными мотивами произведения.

Литература

1. Богомильство. URL : <http://relig.info/bogomilstvo-bogomilstvo>.
2. Жердева В.М. Экзистенциальные мотивы в творчестве писателей «незамеченного поколения» русской эмиграции (Б. Поплавский и Г. Газданов) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
3. Поплавский Б. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2: Аполлон Безобразов. Домой с небес: романы. М. : Согласие, 2000.
4. Рудникова Н.П. Солнечный путь. Арканы Таро. М. : Беловодье, 1995.

Symbolic meaning of Arcana Taro in the novel by Boris Poplavsky "Apollo Bezobrazov"

There is considered the symbolic meaning of the cards Taro in the novel by Boris Poplavsky "Apollo Bezobrazov". First of all there is traced the connection with the unique alphabet of cards with the images of the main characters of the novel.

Key words: *prose by Poplavsky, cards of Taro, motive, character's image, Russian emigration.*

Ю.Г. СЕМИКИНА
(Волгоград)

ФЕНОМЕН «ГОСУДАРСТВЕННОГО ОТЦОВСТВА» В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ

Описана реализация идеи отцовства в образе главы государства. Семейные модели существования проецируются на общественные отношения. Доказывается, что женщины-авторы в своих художественных произведениях анализируют причины возникновения кризиса идеи отцовства и акцентируют предпосылки трансформации модели «Отца» в «Антиотца» (ложного отца).

Ключевые слова: *идея отцовства, лидер государства, кризис отцовства, гендерные стереотипы, женская проза, Отец, Антиотец.*

В каждой культуре, помимо общежитийского «отец семейства», существуют представления о формах отцовства, сформировавшихся под влиянием самых различных факторов: мифолого-архетипических, восходящих к коллективному бессознательному (прародитель, праотец, отец рода человеческого); религиозных (в христианстве – Бог Отец, первая ипостась св. Троицы), социально-исторических (отец нации, отец государства) и т. п. Однако в любом случае содержание столь разномастных по смыслу понятий определяется иерархией ценностей, доминирующих на определенном этапе развития социума.

Особенно тема отцовства важна для понимания специфики женского творчества, поскольку (имплицитно или эксплицитно) она всегда сопрягается с семейными ценностями, относящимися к категории вечных. Однако в настоящее время женщины-авторы расширяют критериально-оценочную сферу и пытаются рассмотреть феномен отцовства в его многомерности, распространяя параметры семьи (в широком смысле слова) на общество и культуру в целом [7; 11].

В данной статье основной акцент сделан на процессе реализации идеи отцовства в образе главы государства не просто в контексте гендерной проблематики, а именно в «женском» ракурсе, который своей актуальностью существенно потеснил традиционное мужское восприятие рассматриваемого феномена. Согласно концепции М.А. Краснова, «отождествление как вождя, так и нередко главы госу-

дарства с «отцом нации» или, по крайней мере, присвоение правителям «отцовских» функций онтологически производны от идеи Небесного отцовства. <...> Творец создал людей не для того, чтобы повелевать и помыкать ими. Сотворение человека было актом именно Отцовской любви. Ради нее человек создан по образу и подобию Божию, то есть и бессмертным, и свободным. С первых и до последних страниц Библия свидетельствует о Боге не как о Хозяине, Повелителе, а именно как о любящем Отце» [6, с. 28].

Тем не менее, в отличие от Отца небесного, поведение «земного отца», вождя, не запрограммировано на проявление любви к своим «детям». Его идеализированный или искусственно сконструированный безупречный образ как всеобщего благодетеля большей частью имеет оборотную сторону, и обладатель неограниченной власти становится олицетворением столь же неограниченного деспотизма как важнейшего и обязательного признака «моноцентрического режима». Это позволяет «главам соответствующих государств прямо или косвенно (неявно) утверждать идею своего «национального отцовства», даже если оно облекается в термины типа «национального лидерства» (здесь играют роль и степень жесткости режима, и культурные особенности общества)» [6, с. 28].

Отметим также, что создание положительного образа руководителя государства («Отца народов») является задачей официальной социальной мифологии. Визуальный компонент культуры (печатные издания, фильмы, портреты, фотографии и т.д.) способствует созданию благоприятных предпосылок для положительной оценки этого образа народом. Данная ипостась реализации идеи отцовства в образе главы государства отмечена во многих произведениях женской прозы: «Прохождение тени», «Читающая вода» (И. Полянская), «Медея и ее дети», «Казус Кукоцкого», «Даниэль Штайн, переводчик», «Зеленый шатер» (Л. Улицкая), «Время женщин» (Е. Чижова) и др.

Как и литература, визуальные формы культуры выполняли и выполняют функцию внедрения в сознание народа не только важных для государственного строя идеологем, но и стереотипов гендерного поведения. Для 1930-х гг. образцом мужского начала, идеальным отцом считался, естественно, Сталин, актуализировавший патриархальные отношения в обществе. В советский период картины «светлого будущего» менее всего совпадали с обликом реальной жизни, для виртуаль-

ного восполнения и «маскировки» недостатков идеологии использовалось кино, где происходило насаждение ценностей маскулинного типа. Для сталинской эпохи были характерны дискредитация физиологии, переадресация эротической энергии членов социума на идеологические объекты: любовь к Родине, вождю и партии. Десексуализированному культовому образу вождя приписывались сверхъестественные способности, происходила своеобразная гиперболизация личности [10].

Сила же современной социальной элиты, не тяготеющей к откровенной архаике, заключается в обладании позитивно-информационной, негативно-информационной и властной привилегиями. Тем самым монополизировано право на интерпретацию основных положений идеологии, что иррациональными способами, но настойчиво внедряется в коллективное подсознание [1, с. 7–9].

В современной женской прозе авторы зачастую актуализируют ситуацию утраты «отца народов», лидера государства. В антиутопии Т. Толстой «Кысь» изображено убийство лидера – «отца народа» – Федора Кузьмича Каблукова и приход к власти нового тирана – Генерального Санитара – Кудеярова Кудеяра Кудеяровича. И. Полянская в романе «Прохождение тени» раскрывает трагичность переживания людьми ситуации несвободы в тоталитарном государстве и показывает их радость от известия о смерти тирана: «...В один мартовский вечер начала пятидесятых он примчался в крохотную амбулаторию шарашки, где он вместе с другими учеными работал над созданием бомбы, влетел в палату и, даже не поняв, что жена находится почти при смерти <...>, что состояние ее с каждой минутой ухудшается, заорал: “Родная, его больше нет! Его нет!..”» [8, с. 32–33].

В романах «Казус Кукоцкого», «Медея и ее дети» и «Зеленый шатер» Л. Улицкая описывает реакцию различных представителей общества на смерть Сталина. Вот как, например, автор изображает ситуацию раскола, вызванную известием о смерти, казалось, бессмертного вождя: «Народонаселение страны реагировало бурно: рыдали, падали в обмороки, валились в шоковые инфаркты. Другие облегченно вздохнули, тайно возрадовались и в душе ликовали. Но даже тайные враги умершего вождя – явных у него давно уже не было – пребывали в растерянности: а как же без него жить?» [14, с. 130]. Писательница воспроизводит по существу массовую истерию, обусловившую вторую Ходынку: «В городе, привык-

шем к очередям, такой большой очереди никто никогда еще не видывал. <...> Но была одна особенность у этой очереди, которая делала ее единственной и неповторимой во всей советской жизни: люди пришли сюда по своей воле, а не по бытовой необходимости <...>. Они стояли в очереди с ночи, чтобы отдать гражданский долг, поклониться, восскорбеть соборно, высказать свое горе... И еще что-то стихийное, глубоко животное, как предчувствие землетрясения или запах дальнего лесного пожара, выгнало их из домов и собрало в тесное единое стадо» [14, с. 136].

Еще одна особенность в подходе Л. Улицкой к данной теме заключается в том, что она изображает трагические события (гибель людей во время похорон «отца народов») через призму детского восприятия. В романе «Казус Кукоцкого» участниками трагедии стали Таня Кукоцкая и Тома Полосухина, а в романе «Зеленый Шатер» – Илья Брянский и его одноклассник. Массовая гибель людей, показанная в аспекте детского восприятия, заставляет читателя нагляднее представить ужас происходившего [9].

Безусловно, гендерный стереотип «отца» конституируется в контексте бинарной оппозиции «отцовское (мужское) – материнское (женское)». Специфика же «женского» творчества заключается в том, что в нем так или иначе затрагивается тема реализованного или нереализованного, биологического или социального материнства, а значит, и отцовства как уникального социально-психологического опыта, который предстоит осмыслить [2–4; 11; 13; 15].

И тем не менее трансформация гендерных стереотипов, отражающих понимание феминности и маскулинности, по-прежнему наиболее ярко проявляется в современных представлениях о семье. Авторы-женщины, наблюдая и анализируя переосмысление гендерных стереотипов, происходящее в современном обществе, в своих произведениях все чаще и чаще обращаются к проблеме кризиса институтов семьи и отцовства. В свете проецирования семейных моделей на общественные отношения можно говорить о таких явлениях, как усиление или ослабление страха в обществе, наличие или отсутствие политики, рассчитанной на перспективу, и т.п. Понятно, что негативный компонент подобных оппозиционных пар – фактор, усугубляющий кризис традиционного отцовства, вызванный перераспределением мужских и женских ролей в семье, а значит, и в государстве.

Анализ произведений авторов-женщин позволяет сделать вывод о том, что в художественных текстах чаще всего описываются проблемные отцовские практики: глава государства «не любит» своих подданных, более того, становится тираном. Женщины-авторы часто изображают в своих произведениях «слабых отцов», не умеющих брать на себя ответственность за семью. Тиранию можно считать проявлением слабости. Поскольку кризис отцовства связан с кризисом маскулинности, то авторы-женщины, по сути, фиксируют изменения, происходящие в обществе. По мнению писательниц, у российских правителей отсутствует потребность в народосберегающих практиках. Тирания проявляется в первую очередь через растрату человеческих ресурсов (физическое уничтожение и принуждение к эмиграции) и игнорирование потребностей большинства членов общества (безразличие к насущным духовным и физическим потребностям людей). Все эти тенденции ярко отражены в таких произведениях, как «Прохождение тени», «Читающая вода» (И. Полянская), «Медея и ее дети», «Казус Кукоцкого», «Даниэль Штайн, переводчик», «Зеленый шатер» (Л. Улицкая), «Время женщин» (Е. Чижова), «Визит нестарой дамы» (М. Арбатова) и т.д. Более того, даже когда события в произведении происходят в далеком будущем (например, в произведениях О. Славниковой «2017» и Т. Толстой «Кысь»), авторы-женщины моделируют ситуации таким образом, что в них отражаются события прошлого и тенденции настоящего. Например, О. Славникова в романе «2017» изобразила события «ряженой революции» и реакцию лидера государства на происходящее в стране: «То был тревожный знак для Президента, внешне похожего не столько на своего непосредственного предшественника, сколько на великого Путина, служившего теперь для кандидатов идеальным образцом. <...> Но худшее ожидало впереди, потому что страна собиралась сыграть в 2017 году свой долгожданный любительский спектакль» [12, с. 372–373]. Через некоторое время было объявлено, что Президента кладут на операцию (на самом деле его посадили под домашний арест). И вот уже «на Лубянке восстановленный Дзержинский наблюдал многотысячный митинг <...>. В Думе диктатор Каренин <...> каркал в микрофоны воспаленные речи <...>» (Там же).

Травматический опыт взаимодействия народа и «отца» транслируется на последующие поколения в двух проекциях: повторе-

ние травматического опыта либо его преодоление и изживание. И художественные произведения авторов-женщин являются тому доказательством, поскольку в них фиксируются и осмысливаются изменения, происходящие в социуме.

Изменение норм социальной жизни меняет и нормативные ценности отцовства. Если (и это характерно для русской классики) канон выдвигал на первый план властную и суровую отцовскую любовь как антитезу (и дополнение) любви материнской, то «современные родительские практики в эту антитезу часто не вписываются. С ослаблением отцовской власти и дискредитацией поддерживавших ее телесных наказаний, она становится сомнительной. <...> Иными словами, отцовская любовь и тепло – более эффективные средства воспитания, чем строгость и телесные наказания» [5, с. 7].

К сожалению, нередки случаи, когда отец-тиран становится антиотцом, или ложным отцом [2]. Более того, в современном мире сформировалось абсолютно негативное по своим параметрам явление – безотцовщина. Именно поэтому в женской прозе все тревожнее и чаще звучит мотив «отсутствующего отца»; авторы прибегают к фигуре умолчания, что, однако, вовсе не означает отсутствие ее специфического содержания. Через собственный житейский опыт (воспоминания о своем детстве), через умозрительные (и часто идеализированные) представления об отцовстве и другими способами проводится мысль о необходимости приближения к исконным началам бытия, где материнское и отцовское начала при эмпирическом несходстве сходны в философском плане.

Таким образом, изображение, осмысление и оценка отцовских государственных практик могут варьироваться в зависимости от целей и социокультурного опыта автора произведения. Независимо от стратегии поведения, выбранной «отцом» (главой государства) осознанно или на подсознательном уровне, у «детей», испытавших воздействие деспотичных режимов, понижается самооценка и появляются проблемы в проявлении, выражении эмоций, что, в свою очередь, часто приводит к осознанию потребности в свободе волеизъявления и в протестном поведении (на страницах произведений женщин-авторов часто встречаются такие «протестующие персонажи»).

Писательницы акцентируют тот факт, что кризис идеи отцовства в образе главы государ-

ства ощущается в обществе тем сильнее, чем больше не совпадают представления о том, каким должен быть отец (идеальные представления об отцовстве), и реальный опыт отцовства. В женской прозе происходит осмысление того, как реализуется в обществе идея отцовства в лице руководителя, лидера государства и как преодолеть кризис отцовства. Иными словами, авторы-женщины пытаются понять различные аспекты мужской идентичности и, в первую очередь, отцовства, и в какой мере идея отцовства является фактором, конституирующим жизнь отдельного человека, семьи и общества в целом. Изображение феномена отцовства в художественной литературе (на примере главы государства), безусловно, требует дальнейшего осмысления и изучения.

Литература

1. Бирюков Б.В. Социальная мифология, мыслительный дискурс и русская культура. URL : <http://www.rusreadorg.ru/issues/hl/hl3-01.htm> (дата обращения: 06.10.2012).
2. Жаравина Л.В. Проблема художественного метода в прозе В. Шаламова // Гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 93–100.
3. Компанец В.В. Троиединство правды – истины – справедливости в художественной аксиологии В.Г. Распутина // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2012. № 2 (66). С. 133–136.
4. Ключко О.И. Гендерная стереотипия в изучении актуальных социальных проблем // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 160–169.
5. Кон И.С. Кризис отцовства и вертикаль власти // Русский Глобус: Междунар. интернет-журн. 2010. № 2. URL: <http://www.russiaglobe.com/N96/Kon.KrizisOtvostvaIVertikalVlasti.htm> (дата обращения: 07.10.2012).
6. Краснов М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 27–38.
7. Поллок Г. Видение, голос и власть: феминистская история искусства и марксизм // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. М. : РОССПЭН, 2005. С. 217–260.
8. Полянская И. Прохождение тени: роман, рассказы. М. : Вагриус, 1999.
9. Савина Л.Н. Идиллический хронотоп дворянской усадьбы и его отражение в автобиографических произведениях С.Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Юб. изд. к 80-летию ун-та. 2012. № 4(68). С. 132–136.
10. Семикина Ю.Г. Эротические мотивы в романе И. Полянской «Читающая вода» // Гуманитарные исследования. 2009. № 4. С. 212–217.

11. Семикина Ю.Г. Изображение опыта отцовства в художественных произведениях авторов-женщин конца XX – начала XXI в. // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2012. № 8(72). С. 136–139.

12. Славникова О.А. 2017: роман. М. : Вагриус, 2008.

13. Солодкова С.В. К вопросу о метафизических началах в мировоззрении А.К. Толстого // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2012. № 8(72). С. 126–130.

14. Улицкая Л. Казус Кукоцкого: роман. М. : Эксмо, 2003.

15. Lanser S.S. Towards a Feminist Narratology // Eagleton M. Feminist literary theory. Oxford, 2011. P. 154–158.

***Considering the issue of paternity
in the image of head of state in women's
prose of the end of XX – beginning
of XXI centuries***

There is considered the realization of the idea of paternity in the image of head of state. Family models are projected on social relations. There is proved that woman authors analyze the reasons for crisis of paternity idea and emphasize the premises of transformation of the model "Father" into the model "Antifather" (false father).

Key words: *idea of fatherhood, head of state, crisis of fatherhood, gender stereotypes, woman's prose, Father, Antifather.*

